

нию их от «цивилизации польской». По крайней мере, части представителей кресовой польскости удалось укротить в себе национальное высокомерие и проявить внимание к жизни тех, кого они взялись опекать.

Список литературы

1. Бессонов, П. В. Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / П. В. Бессонов. – М., 1871.
2. Булгаков В. История белорусского национализма. Вильнюс, 2006.
3. Czaplejewicz, E. Czym jest literatura kresowa? / E. Czaplejewicz // Kresy w literaturze. Twórcy dwudziestowieczni / pod red. E. Czaplejewicza, E. Kasperskiego. – Warszawa, 1996. – S. 7–73.
4. Golańbek, J. Wincenty Dunin-Marcinkiewicz. Poeta polsko-białoruski / J. Golańbek. – Wilno, 1932.
5. Syrokomla, W. (Kondratowicz, L.). Wędrowki po moich niegdys ekolicach. Wspomnienia, studia historyczne i obyczajowe / W. Syrokomla (L. Kondratowicz). – Wilno, 1853.

Л. В. Ляхович
Белорусский государственный университет
культуры и искусств, доцент

ФРАНЦУЗСКАЯ МОНАРХИЯ В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ НОВИСТИКЕ (КОНЦЕПЦИЯ П. Н. АРДАШЕВА) И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Определение сущности, хронологических рамок, региональных особенностей и политической практики европейского абсолютизма составляет целый комплекс проблем современной новистики. При анализе историографического наследия XX в. вымывается, с одной стороны, преемственность нарратива, с другой – разрыв с дореволюционной историографической традицией в советский период, а затем, с учетом методологических изменений, в известной мере возвращение к ней.

Судьба начального наследия Павла Николаевича Ардашева (1865–1922), одного из крупнейших дореволюционных специалистов в области «старого порядка», иллюстрирует сказанное. Главные работы П. Н. Ардашева – «Абсолютная монархия на Западе» [1] и «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка. 1774–1789. Провинциальные интенданты» [2; 3], высоко оцененные современниками, были практически забыты в советский период и востребованы уже в наши дни [4]. Причиной такой ситуации были шедшие вразрез с советской историографической традицией выводы П. Н. Ардашева, касавшиеся в особенности развития предреволюционной Франции. Нужно сделать оговорку, что в свое время он считал их слишком оптимистичными [5], но даже с учетом данного замечания «Провинциальная администрация» существенно корректирует традиционные представления о «старом порядке».

По П. Н. Ардашеву, «старый порядок», т. е. три предреволюционных царствования, не есть нечто однородное. Это ряд эпох, где эволюционные изменения проходили не столько законодательно, сколько фактическим изменением в порядке вещей. Законы и учреждения были те же, но люди, порядки и идеалы – другие, в значительной мере под влиянием просветительских идей [2, с. 90–92]. Франция не укладывается в образ централизованного абсолютистского государства, демонстрируя разнообразие административных единиц, податных режимов, учреждений, должностей, законов [2, с. 102–103, 138–141, 558–559], где закон рассматривался просто как некий провозглашенный принцип, не требующий обязательного выполнения. Местное право, специальные регламенты, отсрочки минимизировали распоряжения правительства, которому неизвестно даже точное количество населения [2, с. 107–127]. Формально абсолютный, монарх должен был считаться с парламентами, особенно главным из них – Парижским [2, с. 448–463]. Таким образом, абсолютная монархия могла называться таковой лишь номинально.

Королевская власть отнюдь не дистанцировалась от общества, находясь с ним в диалоге. Она – объект оценки и критики общественного мнения, которое смогло набрать силу в условиях культурного подъема, отсутствия внутренних смут и властного давления [3, с. 122–134]. Общественное мнение неконтролируемо и формируется огромным количеством источников – от двора до кафе [3, с. 122–134]. Неважно, что в стране не было официально разрешенной свободы слова: чтение, театр, разговор с соответствующим подтекстом достигали своей цели [3, с. 162–180]. В стране распространялась информация, разрушающая имидж власти, падал престиж двора. Официальные запрещения в отношении авторов и их произведений практически не выполнялись, сама правящая элита сочувствовала новым идеям и покровительствовала просветителям. Запрещение и сожжение книг давали обратный эффект, как и периодические тюремные санкции в отношении авторов [3, с. 180–186]. П. Н. Ардашев отмечает ненависть к деспотизму и произволу в обществе. Но по-другому и быть не могло. Патриархально-патримониальная концепция публичной власти, понимание короля как сеньора, а государства – как вотчины приводило опеку власти и «отеческому произволу». В то же время гуманность, целесообразность, веротерпимость в тех условиях были «просвещенным произволом» [3, с. 662–700].

Работы П. Н. Ардашева показали предреволюционную Францию с достаточно неожиданной стороны, и совершенно понятно неприятие их советской историографией. В настоящее время многие высказанные им тезисы фактически поддержаны российской историографией при рассмотрении генезиса и политической практики французского абсолютизма [6], абсолютизм Бурбонов трактуется как незавершенный [4]. В связи с актуальностью изучения истории ментальностей, политической культуры, символики власти, истории повседневности работы П. Н. Ардашева приобретают новое значение, так как в них уже был представлен указанный круг проблем в контексте Франции периода «старого порядка». Примеры современных работ указанной тематики – это не только соответствие современному ракурсу исследования, но и в значительной мере восстановление некогда нарушенной преемственности [7–9].

Список литературы

1. *Ардашев, П. Н.* Абсолютная монархия на Западе / П. Н. Ардашев. – СПб., 1902.
2. *Ардашев, П. Н.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774–1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным / П. Н. Ардашев. – СПб.; Киев, 1900. – Т. I.
3. *Ардашев, П. Н.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774–1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным / П. Н. Ардашев. – СПб.; Киев, 1906. – Т. II.
4. *Чудинов, А. В.* «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа / А. В. Чудинов // Французский ежегодник 2005 [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Tchoudinov-2005.html>. – Дата доступа: 16.12.2010.
5. *Кареев, Н. И.* Работы русских ученых по истории Французской революции / Н. И. Кареев // Известия Санкт-Петербургского Политехнического института. – 1904. – Т. I, вып. 3–4. С. 155–202.
6. *Малов, В. Н.* Три этапа и два пути развития французского абсолютизма / В. Н. Малов // Французский ежегодник 2005 [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Malov-2005.html>. – Дата доступа: 24. 02. 2011.
7. *Пименова, Л. А.* Осень Версаля глазами современников / Л. А. Пименова; под ред. Н. А. Хачатурян // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. – М.; СПб., 2001. – Вып. I. – С. 336–351.
8. *Пименова, Л. А.* Королевский двор в публичном пространстве «века Просвещения» / Л. А. Пименова; отв. ред. Н. А. Хачатурян // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал. – М., 2004. – С. 157–174.
9. *Пименова, Л. А.* Символический образ власти между Старым порядком и Революцией: от помазания короля на царство к празднику Федерации / Л. А. Пименова; под ред. М. А. Бойцова, О. Т. Эксле // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. – М., 2008. С. 277–290.

Н. Е. Орлова

Белорусский государственный университет, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В СФЕРЕ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 50-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х гг. XIX в.

В середине XIX в. Англия благодаря успешной модернизации впервые в мире вышла на индустриальный уровень развития. В новых условиях жизнь английского общества заметно усложнилась, многие проблемы получили общенациональное значение. В этой связи наметился отход от чисто индивидуалистической формы социальной организации, положенной в основу теории и практики классического либерализма, в сторону принятия принципов коллективизма. Отмеченный процесс был основным содержанием развития английского общества с середины столетия. Он выражался в расширении сфе-